

**В.Н. Мочульский**

**Следы народной Библии в славянской и в  
древнерусской письменности**

**Москва  
«Книга по Требованию»**

УДК 291  
ББК 86.3  
В11

В11 **В.Н. Мочульский**  
Следы народной Библии в славянской и в древнерусской письменности / В.Н. Мочульский – М.: Книга по Требованию, 2018. – 283 с.

**ISBN 978-5-458-58359-6**

В книге Мочульского рассмотрены три памятника: "Беседа трех святителей", "Вопрошания Иоанна Богослова" и "Вопрошания Варфоломея". Автор утверждает, что "Беседа" и "Вопрошания Иоанна" возникли на греческой почве в V или VI ст., в интересах приспособления канонических памятников к народным понятиям, причем "Беседа" постепенно приобрела характер толковой Библии, сделалась достоянием народных сект и приблизительно в XIII в. приняла еретическую богомильскую окраску.

**ISBN 978-5-458-58359-6**

© Издание на русском языке, оформление  
«YOYO Media», 2018  
© Издание на русском языке, оцифровка,  
«Книга по Требованию», 2018

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.



## 1) «БЕСѢДА ТРЕХЪ СВЯТИТЕЛЕЙ».

### ВВЕДЕНІЕ.

Въ 1887 году въ своей магистерской диссертациі, посвященной литературному анализу стиха о Голубиной книгѣ, я касался «Бесѣды трехъ Святителей», какъ главнаго источника, указаннаго народнаго произведенія, и касался настолько, насколько необходимо было, по моему мнѣнію, для объясненія матеріальнаго состава даннаго стиха. Я тогда уже старался выяснитъ важное значеніе даннаго памятника и обѣщалъ не въ далекомъ будущемъ посвятить «Бесѣдѣ трехъ Святителей» спеціальное изслѣдованіе, отказавшись въ то время выполнить столь трудную задачу за недостаткомъ времени и за непмѣніемъ всего нужнаго матеріала. Въ настоящее время я постараюсь выполнить данное обѣщаніе и, по мѣрѣ моихъ силъ, дать рѣшеніе всѣмъ тѣмъ вопросамъ, какіе связаны съ столь сложнымъ памятникомъ апокрифической литературы, какъ «Бесѣда трехъ Святителей».

Прежде чѣмъ приступить къ изслѣдованію самаго памятника, намъ необходимо ознакомиться, хотя бы вкратцѣ, съ литературой вопроса, т. е. съ тѣми работами, которыя въ извѣстной степени способствовали выясненію историческихъ судебъ даннаго памятника, опуская при этомъ частныя взгляды, которые для исторіи памятника особаго интереса не представляютъ.

Еще въ 1859 году обратилъ вниманіе на нашу «Бесѣду» Академикъ Ѳ. И. Буслаевъ въ своей рѣчи: «О народной поэзіи въ древне-русской литературѣ», гдѣ посвятилъ ей цѣлую главу (см. Очерки, 2-й т. стр. 15—31). Заинтересованный главнымъ образомъ народнымъ поэтическимъ элементомъ, привнесеннымъ въ разсматриваемый памятникъ, Ѳ. И. Буслаевъ говоритъ, между

прочимъ, слѣдующее: «Бесѣда трехъ Святителей» получила особенно важное значеніе въ нашей древней литературѣ, относительно развитія и распространенія въ ней поэтическихъ элементовъ смѣшаннаго, полу-христіанскаго характера. Бесѣда эта по своему происхожденію относится къ отдаленной древности и первоначально занесена къ намъ, вѣроятно, изъ Болгаріи вмѣстѣ съ заговорами на лихорадки, съ Зелениками и другими отреченными книгами . . . . Но усвоенная Русскимъ народомъ, она получила у насъ мѣстный колоритъ, и пустила глубокіе корни въ древне-русской поэзіи. Состоя въ тѣсной связи съ народными суевѣрїями, загадками, примѣтами и различными мѣологическими воззрѣніями, эта «Бесѣда» дала содержаніе многимъ народнымъ пѣснямъ, сказкамъ, изрѣченіямъ и въ свою очередь, вѣроятно, многое заимствовала изъ этихъ народныхъ источниковъ (стр. 15—16).

Вслѣдъ за этимъ Ѳ. П. Буслаевъ дѣлаетъ сопоставленія и сближенія разсматриваемой «Бесѣды» не только съ народной поэзіей, но и отчасти съ искусствомъ.

И такъ въ эпоху особаго оживленнаго изученія у насъ народности наша «Бесѣда» естественно заинтересовала ученыхъ своимъ народнымъ элементомъ, своимъ національнымъ колоритомъ. Съ тѣхъ поръ долгое время въ нашей ученой литературѣ не появлялось никакой работы, которая продолжила-бы изысканія, начатыя Буслаевымъ, и лишь въ 1880 г. появляется статья П. П. Вяземскаго, посвященная «Бесѣдѣ трехъ святителей» (Пам. Древней Письменности. Вып. I, стр. 63—86). Въ этой статьѣ покойный Вяземскій, выясняя характеръ и значеніе «Бесѣды», какъ памятника литературнаго, говоритъ, что «Бесѣда трехъ Святителей» есть ничто иное, какъ риторскія упражненія для пользанія полуграмотныхъ простолудниковъ, можетъ быть, даже и низшихъ церковныхъ служителей, желавшихъ усвоить себѣ тѣ недоступные вопросы, которые преподавались въ богословскихъ и риторскихъ школахъ, или, иными словами «Бесѣда» представляетъ перенесеніе тезисовъ изъ академическихъ аудиторій въ народную массу (стр. 63 и 70). Въ подтвержденіе своего взгляда П. П. Вяземскій ссылается на слово Іоанна, епископа Евхалтскаго на Соборѣ трехъ Святителей, жившаго въ концѣ XI и началѣ XII в., въ которомъ говорится объ обычаяхъ словесниковъ состязаться о преимуществахъ трехъ Святителей. „Обычай этотъ, говоритъ далѣе Вяземскій, вполне объясняетъ существованіе литературнаго памятника, нами раз-

сма­три­вае­ма­го, хо­тя сох­ра­ни­вшіе­ся у насъ тек­сты «Бесѣды» по­ло­жи­тель­но не про­из­ве­де­ніе ри­тор­ской шко­лы» (стр. 68). «Бесѣда трехъ Святителей» не имѣетъ во­все въ ви­ду пе­ре­дать въ по­пу­ляр­номъ раз­ска­зѣ ка­кую-ли­бо сто­ро­ну ученія трехъ Святителей: Василія Великаго, Григорія Богослова и Иоанна Златоуста, какъ равно «Бесѣда» эта не за­бо­тит­ся и о рас­про­стране­ніи бо­го­словскихъ тезисовъ въ по­пу­ляр­ной пе­ре­дачѣ (стр. 64).

И такъ П. П. Вяземскій, стараясь, повидимому, освѣтить факты, впалъ очевидно въ противорѣчія. Желая выпутаться изъ этихъ противорѣчій, Вяземскій далѣе замѣчаетъ: „Какъ бы не­казалось правдоподобнымъ объясненіе происхожденія бесѣды трехъ святителей перенесеніемъ тезисовъ изъ академическихъ аудиторій въ народную среду, однако на этомъ взглядѣ остано­вляться невозможно, такъ какъ существуетъ весьма важное сви­дѣтельство, что «Бесѣда трехъ Святителей» около ста лѣтъ древнѣе факта, упоминаемаго Иоанномъ Елхантскимъ“ (стр. 70). Сви­дѣтельство это — индексъ ложныхъ книгъ, которые приписываютъ Бесѣду попу Іереміи. «Весьма можетъ быть, говоритъ Вяземскій, что произведеніе Болгарскаго попа Іереміи въ концѣ X ст. было исходною точкою тѣхъ преній, которыя занимали умы словесниковъ въ концѣ XI и началѣ XII ст.» (стр. 71). Но къ сожалѣнію главный предметъ этихъ преній остается неизвѣстнымъ, а потому и обосновать свои предположенія Вяземскій не могъ, въ чемъ онъ и самъ сознается (стр. 71—72).

Вслѣдъ за статьей П. П. Вяземскаго по времени идетъ мой «Историко-литературный анализъ стиха о Голубиной книгѣ». Въ гл. I-й я коснулся «Бесѣды трехъ Святителей», какъ главнаго источника стиха о Голубиной книгѣ. Располагая однимъ лишь русскимъ и отчасти славянскимъ матеріаломъ, я не могъ есте­ственно прослѣдить всѣ судьбы разсма­три­вае­ма­го памятника, что представлялось мнѣ тогда по ходу дѣла лишнимъ и не свое­временнымъ. Тѣмъ не менѣе я тогда уже пришелъ къ определеннымъ выводамъ, которые изложилъ въ видѣ слѣдующихъ тезисовъ:

1) «Бесѣда трехъ Святителей» есть сложная апокрифическая книга — родъ апокрифической Библии. Образовывалась она въ продолженіи долгаго времени, начиная, по всей вѣроятности, съ IX в. и постепенно пополняя свой составъ подходящими апокрифами, изъ коихъ, несомнѣнно, въ нее вошли въ видѣ отрывковъ: 1) апо­крифическая «книга Бытія»; 2) апокрифъ — «отъ сколькихъ ча-

стей созданъ былъ Адамъ»; 3) книга Адама, и 4) Апокалипсисъ Иоанна.

II) Апокрифическая «Бесѣда трехъ Святителей» въ начальномъ своемъ видѣ не была книгой богоотметной и лишь въ послѣдствіи, приблизительно въ XIII ст., стала книгой запрещенной, принявъ окраску еретическую. Она сохранилась въ редакціи апокрифической и апокрифо-еретической и въ этомъ послѣднемъ видѣ была достояніемъ еретиковъ Богомиловъ (стр. 53). Понятно, что при отысканіи новыхъ матеріаловъ и новыхъ данныхъ придется высказанныя положенія нѣсколько видоизмѣнить, во многомъ дополнить, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ и совершенно измѣнить.

Въ 1889 г. вышелъ трудъ проф. А. С. Архангельскаго: «Твореніе Отцовъ Церкви въ древне-русской письменности». Здѣсь во 2-й главѣ по поводу «Вопросовъ и Отвѣтовъ Аѳанасія къ кн. Антіоху» проф. Архангельскій привлекъ къ изслѣдованію «Бесѣду трехъ Святителей», какъ памятникъ, тѣсно связанный, по его мнѣнію, съ Вопросами Аѳанасія къ Антіоху. Имѣя дѣло главнымъ образомъ съ матеріаломъ русскимъ и тѣмъ славянскимъ, который могли дать ему нѣкоторыя изъ русскихъ книгохранилищъ, пр. Архангельскій рѣшился на основаніи этого матеріала дать опытъ литературнаго изслѣдованія «Бесѣды». Результаты такого изслѣдованія онъ изложилъ въ видѣ слѣдующихъ положеній:

I) Дошедшіе до насъ многочисленные списки Бесѣды, не поддаваясь распредѣленію ни на какія редакціи въ обычномъ смыслѣ этого слова, рѣзко распадаются на двѣ весьма неравныя группы: одну изъ нихъ составляетъ списокъ XI в. съ позднѣйшими копіями XV—XVII вв.; другую все остальные разнообразныя списки Бесѣды, начинающіеся съ XV в. и продолжающіеся въ XVII, XVIII и даже въ XIX вв. Списокъ XI в. съ копіями представляетъ древнѣйшую, перешедшую къ намъ изъ византійской литературы, первичную Бесѣду, и рѣзко выдѣляется въ ряду сохранившихся списковъ своею неизмѣнностью, на всемъ протяженіи нашей древней письменности . . . . Въ спискахъ второй, намѣченной нами, группы нѣтъ и признаковъ подобной литературной устойчивости. Списки этой второй группы, иначе, все остальные дошедшіе списки Бесѣды, — длинный рядъ которыхъ, какъ замѣчено, начинался съ XV в., идетъ

вплоть до первой четверти текущего столѣтія, — поражаютъ крайнимъ разнообразіемъ и своего внѣшняго изложенія и своего содержанія. Въ большинствѣ списковъ, при полномъ отсутствіи какой либо систематизаціи въ изложеніи, содержаніе отличается крайней хаотичностью.

II) Нельзя установить никакой прямой, непосредственной литературной преемственности между двумя намѣченными группами списковъ.

III) Едва ли большинство позднѣйшихъ списковъ Бесѣды, XVII—XVIII вв. не возникла на почвѣ русской письменности, оригинальной или переводной.

Отдавая должное пр. Архангельскому: его хорошему знакомству съ древне-русской письменностію, я долженъ однакожь замѣтить, что пр. Архангельскій не рѣшилъ основныхъ вопросовъ, связанныхъ съ «Бесѣдой», а именно: 1) гдѣ и когда возникла «Бесѣда трехъ Святителей»? 2) кѣмъ она была составлена? и въ 3) для какой цѣли предназначалась? Пр. Архангельскій не рѣшилъ этихъ вопросовъ потому, что рассматривалъ судьбу «Бесѣды» глав. образомъ въ области русской письменности безъ отношенія къ письменности греческой и славянской.

Вслѣдъ за «Твореніями»... пр. Архангельскаго въ Русскомъ Филологическомъ Вѣстникѣ за 1890 г. (№ 2, стр. 306) появилась небольшая рецензія труда Архангельскаго, которая не лишена для насъ значенія. Касаясь мнѣнія пр. Архангельскаго, что Вопросы Аѳанасіи къ Антиоху послужили, между прочимъ, прототипомъ позднѣйшихъ редакцій «Бесѣды трехъ Святителей», рецензентъ замѣчаетъ: «Последнее едва ли вѣрно, такъ какъ, если уже отыскивать прототипъ позднѣйшей Бесѣды, то его надо видѣть не въ Вопросахъ Аѳанасія, а въ сборникѣ вопросовъ и отвѣтовъ, изрѣченій и къ нимъ толкованій, сохранившихся, между прочимъ, въ списокѣ XIII в. Публичной Библиотеки. Этотъ Сборникъ имѣетъ много общаго съ указанными у Г. Архангельскаго съ Лаврскимъ Сборникомъ XV в. и «Каафомъ», и находится въ несомнѣнной связи съ позднѣйшею «Бесѣдою» (стр. 306).

Въ томъ же 1890 г. появились «Апокрифическія сказанія о новозавѣтныхъ лицахъ и событіяхъ, по рукописямъ Соловецкой бібліотеки — И. Я. Порфирьева. Здѣсь въ предисловіи (въ 5 отд. стр. 113) проф. Порфирьевъ, подвергая разсмотрѣнію «Бе-

сѣду», дастъ слѣдующія о ней заключенія: «Бесѣда Трехъ Святителей» имѣетъ видъ сборника, составленнаго изъ разныхъ, преимущественно апокрифическихъ и легендарныхъ сочиненій. Когда и гдѣ она составила — опредѣлить нельзя, какъ нельзя точно опредѣлить происхожденіе всякаго сборника, составленнаго не вдругъ и не однимъ лицомъ, а постепенно и разными лицами (стр. 114). «Бесѣда», продолжаетъ въ другомъ мѣстѣ пр. Порфирьевъ, конечно, не можетъ принадлежать тремъ Святителямъ; она названа ихъ именемъ для приданія ей бѣльшаго авторитета и въ виду существовавшего обычая отъ ихъ имени производить пренія по разнымъ богословскимъ вопросамъ (стр. 116). Въ заключеніе проф. Порфирьевъ все разнообразіе русскихъ списковъ «Бесѣды» сводитъ къ 5 видамъ. И такъ пр. Порфирьевъ отказался отъ рѣшенія вопроса, когда и гдѣ составила «Бесѣда», за неимѣніемъ, очевидно, всего необходимаго матеріала.

Почти одновременно съ «Апокрифическими сказаніями....» пр. Порфирьева появилась статья проф. Н. О. Красносельцева: „Къ вопросу о Греческихъ источникахъ «Бесѣды трехъ Святителей»“. Изъ всѣхъ доселѣ появлявшихся статей по вопросу о «Бесѣдѣ трехъ Святителей» настоящая статья проф. Красносельцева самая цѣнная и самая интересная. Цѣнность ея опредѣляется, какъ самой постановкой вопроса, такъ и главнымъ образомъ — оповѣщеніемъ новаго и при томъ греческаго документа, имѣющаго важное значеніе въ вопросѣ объ источникахъ «Бесѣды трехъ Святителей». Хотя одинъ греческій списокъ, при существованіи многочисленнаго количества и чрезвычайнаго разнообразія русскихъ и славянскихъ списковъ «Бесѣды», рѣшающаго значенія не можетъ имѣть, тѣмъ не менѣе пр. Красносельцевъ нашелъ возможнымъ прійти къ слѣдующимъ заключеніямъ:

I) Бесѣда въ формѣ краткихъ Вопросо-Отвѣтовъ, содержащихъ въ себѣ, основанное главнымъ образомъ на апокрифахъ, рѣшеніе разныхъ вопросовъ, относящихся къ Св. Писанію и Богословію, явилась въ Византіи.

II) Она имѣла разные редакціи, а не одну, взаимное отношеніе которыхъ опредѣлить теперь еще нельзя.

III) Нельзя также опредѣлить съ точностью ни времени ея появленія, ни степени распространенности. Судя по ея содержанію, нужно думать, что она была распространена главнымъ образомъ въ классѣ людей любознательныхъ, но мало образованныхъ.

IV) Будучи переведена на славянскій языкъ, она сдѣлалась достояніемъ сначала юго-славянской литературы не позже конца XIII в., а потомъ и древне-русской литературы не позднѣе начала XV в. и существовала здѣсь съ самаго начала въ нѣсколькихъ, по крайней мѣрѣ, двухъ параллельныхъ редакціяхъ.

V) Съ XVII в., или нѣсколько ранѣе, русскіе компиляторы начали самостоятельно перерабатывать эти редакціи, комбинируя ихъ между собою и дополняя изъ другихъ источниковъ, но эта переработка не привела ни къ какому определенному результату. Никакой прочной редакціи не было выработано.

Не отрицая того, что выводы проф. Красносельцева имѣютъ своего рода значеніе и цѣну, мы должны однакожь замѣтить, что проф. Красносельцевъ не только не рѣшилъ многихъ основныхъ вопросовъ, связанныхъ съ «Бесѣдой», но прямо заявляетъ, что нельзя съ точностію опредѣлить ни времени ея появленія, ни степени распространенности, а также нельзя опредѣлить теперь взаимное отношеніе разныхъ редакцій «Бесѣды».

Какъ бы сознавая недостаточность данныхъ для своихъ заключеній, тотъ же проф. Н. О. Красносельцевъ поспѣшилъ опубликовать другой списокъ греческій по рукописи Паряжской Национальной бібліотеки XV—XVI вв. за № 395, въ статьѣ: „Еще къ вопросу объ источникахъ «Бесѣды трехъ святителей»“. Но въ виду того, что данный списокъ крайне несправный и представляетъ лишь незначительный отрывокъ «Бесѣды», и при томъ XVI вѣка, этотъ греческій списокъ особаго значенія и цѣны не имѣетъ, и пзданъ, очевидно, лишь вслѣдствіе недостатка въ греческихъ спискахъ «Бесѣды». Гораздо важнѣе въ данной статьѣ то, что проф. Красносельцевъ обратилъ вниманіе на латинскіе тексты, аналогичные съ славянскими и греческими бесѣдами. Къ сожалѣнію проф. Красносельцевъ не останавливается долго на этихъ латинскихъ текстахъ и, затронувъ ихъ такъ сказать мимоходомъ, приводитъ самое незначительное количество аналогій, не только не рѣшая, но и не касаясь даже вопроса о причинахъ даннаго явленія и о взаимодѣйствіи восточныхъ и западныхъ текстовъ одной и той же, по видимому, «Бесѣды трехъ Святителей» (см. Записки Имп. Новорос. Ун. т. 55, 464—476).

Въ заключеніе намъ остается еще сказать нѣсколько словъ о статьѣ проф. И. Жданова, помѣщенной въ Ж. Мпн. Н. Пр. 1892 г. (январь, 157—194) подъ заглавіемъ: «Бесѣда трехъ Святи-

телей и Іоса монашого». Подъ вліяніемъ толчка, даннаго проф. Красносельцевымъ, а можетъ быть и по собственному почину, проф. Ждановъ болѣе подробно останавливается на аналогіяхъ, существующихъ между Іоса монашого и греко-славянскими текстами «Бесѣды». Слѣдуя указаніямъ П. Майера, проф. Ждановъ дѣлаетъ весьма основательную догадку, что и западныя interrogationes восходятъ также къ греческимъ образцамъ (176). Но авторъ, коснувшись вопроса объ отношеніяхъ западныхъ interrogationes къ греко-славянской «Бесѣдѣ», не рѣшилъ весьма интересныхъ и важныхъ вопросовъ, связанныхъ съ разсмотрѣніемъ этихъ отношеній: 1) При существующей аналогіи между «Іоса монашого» и нашей «Бесѣдой», въ чемъ заключается ихъ существенная разница? 2) Почему латинскіе тексты, помедшіе видимо отъ греческихъ образцовъ, сохранились въ спискахъ — по времени гораздо древнѣйшихъ, чѣмъ ихъ греческіе протитипы?

И такъ съ «Бесѣдой Трехъ Святителей» связано много весьма важныхъ и существенныхъ вопросовъ, не говоря уже о массѣ вопросовъ мелкихъ, требующихъ также тщательнаго и внимательнаго изученія всей литературы, захватываемой сложной «Бесѣдой трехъ Святителей». Къ разсмотрѣнію всѣхъ подобныхъ вопросовъ, связанныхъ съ апокрифической «Бесѣдой», мы и приступаемъ въ настоящемъ изслѣдованіи.

---

## ГЛАВА I-я.

### Латинскіе тексты, аналогичные съ «Бесѣдой трехъ Святителей». Предположенія о ихъ возникновеніи. «Ἑπομνηστικόν» Іосифа.

Хотя я и поставилъ себѣ главной задачей — выяснить греческіе источники «Бесѣды трехъ Святителей», тѣмъ не менѣе при существованіи латинскихъ текстовъ, аналогичныхъ съ нашей «Бесѣдой», и при томъ сохранившихся въ рукописяхъ, гораздо древнѣйшихъ, чѣмъ списки греческіе, я миновать эти латинскіе тексты ни какъ не могъ. Начнемъ съ обзорѣнія списковъ данныхъ латинскихъ текстовъ.

1) Еще въ 1845 г. въ библиографическомъ журналѣ *Serapeum* помѣщена была замѣтка Бетмана о рукописномъ сборникѣ IX в., принадлежащемъ Шлеттштадтской библиотекѣ (въ Эльзасѣ) <sup>1)</sup>. Въ ряду произведеній, вошедшихъ въ составъ этого сборника, находится статья, подъ заглавіемъ: *Iosa monachorum*, изложенная въ формѣ *вопросовъ и отвѣтовъ*, содержаніе которыхъ заимствовано главнымъ образомъ изъ библейской исторіи. Хотя Бетманъ напечаталъ лишь незначительную часть этой статьи (7 вопросовъ), однако онъ тогда уже высказалъ довольно правдоподобный взглядъ на ихъ происхожденіе, а именно, что эти вопросы и отвѣты относятся къ области греческихъ вѣрованій и греческаго міросозерцанія <sup>2)</sup>. Полный текстъ статьи, впервые указанной Бетманомъ, издалъ въ 1872 г. E. Wölflin-Troll

---

<sup>1)</sup> *Serapeum. Zeitschrift für Bibliothekwissenschaft, Handschriftenkunde u. ältere Litteratur.* Her. Dr. Rob. Naumann. Leipzig. 1845. S. 29. Довольно обстоятельное обзорѣніе латинскихъ списковъ см. у пр. Жданова, *Ж. Мин. Нар. Просв.* 1892 г. 167—169.

<sup>2)</sup> *Ibid.* S. 29.

въ Извѣстіяхъ Берлинской Академіи Наукъ <sup>1)</sup>, по рукописи № 1073 (въ каталогъ 1173). Указанная статья состоитъ изъ 86 вопросовъ и отвѣтовъ. По замѣчанію Вольфлина, въ разсмотрѣнной статьѣ не трудно замѣтить спайку двухъ болѣе краткихъ статей. I-я часть (1—38) обнимаетъ факты ветхозавѣтной и новозавѣтной исторіи отъ Адама до Апостоловъ Петра и Іуды. II-я часть, возвращаясь снова къ исторіи ветхозавѣтной и въ частности къ Адаму, касается въ 41—64 вопросахъ первой, а въ 65—79 второй книгъ Моисеевой, а затѣмъ быстро обрывается. Въ первой части форма вопросовъ выдержана последовательно; вторая — начинается императивной формой: *Dis mihi nomē . . .*. Кромѣ того вопросы первой части повторяются во второй, напр. вопр. 10 и 27 связаны по содержанію съ вопр. 49 и 50 <sup>2)</sup>. Эти факты въ достаточной степени подтверждаютъ взглядъ Вольфлина.

2) Выстѣ съ вопросами и отвѣтами по рукописи IX в. Вольфлинъ-Троллъ надалъ другой, болѣе древній текстъ подобнаго же содержанія, взятый изъ рукописи VII в., находящейся въ той же Шлеттштадтской библіотекѣ подъ № 1093 (по каталогу 1193) <sup>3)</sup>. Рукопись писана, по замѣчанію Вольфлина, унциальнымъ письмомъ VII в. на плохой вульгарной латыни, при томъ съ такой массой ошибокъ, что нерѣдко совершенно затемняютъ смыслъ. Въ самой статьѣ есть историческія данныя, указывающія на время, ранѣе котораго рукопись не могла возникнуть, а именно: вторженіе лангобардовъ въ Италію (568 г.). Всѣхъ

<sup>1)</sup> Monatsbericht der Königlich. Preussischen Akademie der Wissenschaften. Zu Berlin. Februar 1872. S. 109—114.

<sup>2)</sup> Ibid. S. 107.

<sup>3)</sup> Ibid. S. 115 fg. По словамъ библіотекаря: «Die Schlettstadter Handschrift . . . enthält: *Selectae lectiones ex prophetis et epistolis St. Pauli, welcher Titel indess nur auf die achtersten Quaternionen passt. Auf Quat. 9, Blatt 4 folgt: incipit chronicam Sancti Gironimi prbi coeli et terrae creationis etc. Auf Quat. 10, fol. 1 recto: incipit de plasuatione Adam; fol. 1 verso: ubi Deus plasmavit etc.; fol. 4 verso: incipit de septem ponderibus, nämlich: pondus limis, quia de limo factus est (scil. Adam), pondus maris, inde sunt lacrimae salsae; pondus ignis, inde sunt alita (es ist halitus gemeint) caldus; pondus venti, inde est flatu frigitus; pondus rux (l. roris), inde sudor humano corpore; pondus floris, inde est varietas oculorum; pondus feni inde est diversitas capillorum». Dann Quat. 10 fol. 5 verso: Adam absque Abel etc». Издавъ лишь послѣдній изъ указанныхъ отдѣловъ рукописи (отъ словъ: Adam absque Abel).*